

Воротников Ю.Л. ИДЕТ ЛИ РУССКИЙ ЯЗЫК К АНАЛИТИЗМУ?

Русский язык, как известно, принадлежит (наряду с большинством индоевропейских языков) к числу языков синтетических, морфологические формы в которых характеризуются неразрывной связью основы, выражающей лексическое значение, с формантами, представляющими грамматическую категорию. Такие формы называются простыми, например, будущее время совершенного вида *напишу*, императив *пиши* и др. Известно также, что наряду с синтетическими (простыми) морфологическими формами в русском языке существуют и аналитические (сложные) формы, в которых основное (лексическое) и дополнительное (грамматическое) значения выражаются раздельно, в различных составных частях аналитической конструкции, например, будущее время несовершенного вида, *буду писать*, сослагательное наклонение *писал бы* и др.

Сосуществование в русском языке синтетических (типологически для него наиболее характерных) и аналитических (менее распространенных) форм уже давно трактуется учеными не в статическом, а в динамическом аспекте: предполагается, что русский язык движется от синтетического строя к аналитическому. Об этом писал И. А. Бодуэн де Куртенэ и В. А. Богородицкий, отмечавшие распад системы склонения имен существительных, выражающийся, в частности, в расширении употребления предлогов в соединении с падежными формами [Бодуэн де Куртенэ 1877; Богородицкий 1910]. Эту точку зрения разделял Н. В. Крушевский. Он писал: "На такие формы, как о *волке, наилучший, самый лучший*, где оттенок идеи выражается и префиксом, и суффиксом, следует смотреть как на формы переходные от настоящих синтетических (ср. старинное *Кыевн*) к аналитическим (ср. болгарское *добр, по-добр, най-добр*; франц. *§ганс!*, *рлш §ганс!*, *ле рлш §ганс!* и др.)" [Крушевский 1883: 112-14].

В. В. Виноградов полагал, что в современном русском языке "грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому" [Виноградов 1972: 36]. В подготовленном под руководством М.В.Панова по результатам широкого социолингвистического изучения русского языка 4-томном исследовании "Русский язык и советское общество" (далее – РЯСО), также делается вывод, что одна из наиболее определенных тенденций его развития – "стремление к аналитизму" [РЯСО, 3, 1968: III].

В последние годы ту же тенденцию в русском языке отмечают авторы коллективной монографии "Русский язык конца XX столетия (1985-1995)". Глава Н. Е. Ильиной, например, так и называется: "Рост аналитизма в морфологии". Автор утверждает вполне определенно: "Некоторые аналитические явления в 90-е годы, по сравнению с первой половиной XX в., упрочивают свои позиции, охватывая новый материал" [Русский язык конца XX столетия 1996: 327]. Большой материал, трактуемый как доказательство именно этого процесса, приводит в своем разделе книги М. Я. Гловинская. В частности, она констатирует: "Очевидно, что парадигма склонения числительных исчезает прямо на глазах" [Там же: 239].

Существуют, однако, такие языковые факты, которые говорят не о нарастании, а о некотором, так сказать, торможении аналитических тенденций, возможно даже о разрушении некоторых уже сложившихся аналитических форм.

В русском языке, как известно, есть два способа образования сравнительной степени: с помощью суффиксов *-ее, -ей (холоднее, веселей)* и путем прибавления к форме положительной степени слова *более (более холодный, более веселый)*. В отношении синтетической формы сравнительной степени типа *веселее* у языковедов споров не возникает – она признается морфологической (если, конечно, вообще категория степеней сравнения причисляется к морфологическим категориям). По поводу же образований типа *более холодный* в специальной литературе существуют две противоположные точки зрения. В. В. Виноградов, например, писал: "Итак, в сочетании: *более + качественное прилагательное* следует видеть одну составную форму. Неосновательно традиционное мнение об аналитической форме, будто она "выходит за обычные рамки морфологических образований, представляя синтаксическое сочетание двух неоднородных слов"" [Виноградов 1972: 202]

Иначе решается это вопрос в академической "Русской грамматике". Здесь читаем: "К форме сравнительной степени не относится описательное выражение сравнения с помощью форм *более* или *менее*: *более веселый, более интересный, менее веселый, менее интересный*. Слова *более* или *менее* в этих сочетаниях сохраняют свое лексическое значение, и это препятствует их превращению в показатели морфологического значения и, следовательно, превращению сочетаний типа *более грустный, менее веселый* в аналитические формы сравнительной степени" [Русская грамматика 1980: 562].

Вопрос о грамматическом статусе аналитической сравнительной степени до сих пор остается открытым: что же это все-таки, аналитическая морфологическая форма или свободное словосочетание? Попытаемся сформулировать свое мнение на этот счет, для чего прежде всего обратимся к так называемому "отрицательному языковому материалу", об уникальном значении которого для успешного лингвистического анализа говорит Ю. Д. Апресян, ссылаясь при этом на таких лингвистов, как Ш. Балли, А. М. Пешковский, А. Фрей, Л. В. Щерба [Апресян 1995. Т. I: 105]. Об этом же, как всегда образно, пишет и Н. Д. Арутюнова: "Известно, сколь неопределимую услугу оказывают языковедам отрицательные факты... Лингвистические работы последних десятилетий пестрят звездочками. Примеры семантических и прагматических аномалий, иногда очень изощренные, теснят корректные примеры" [Арутюнова 1988: 303].

Неправильное употребление аналитических форм сравнительной степени достаточно широко распро-

странено, и что любопытно отметить, выражения типа *более лучше* не так уж редко приходилось автору слышать даже в стенах Института русского языка Российской академии наук из уст весьма почтенных языковедов-русистов. Но в этом случае речь идет не о неграмотности или ошибках, а о своего рода игре с языком. Это, конечно, не та игра в культурологическом смысле, о которой писал И. Хейзенга [Хейзенга 1992: 8], и не та "языковая игра", о которой говорит Л. Витгенштейн [Витген-штейн 1994: 83]. Но в то же время это и не просто ерничество, стеб в том смысле, как об этом пишет Е. А. Земская [Русский язык конца XX столетия 1996: 23]. Перед нами типичный пример лингвистического эксперимента, ставшего в последние годы одним из важнейших инструментов науки о языке. Н. Д. Арутюнова по этому поводу замечает: "Экспериментами над языком занимаются все: поэты, писатели, остряки и лингвисты" [Арутюнова 1988: 303]. Эксперимент лингвиста имеет сугубо научную цель: лингвист как бы "пробует на зуб" те или иные языковые факты, "выворачивает их наизнанку" для того, чтобы понять их суть. Это – разновидность лингвистической интроспекции в понимании А. Вежбицкой [Wierzbicka 1992].

Но и самые тривиальные ошибки, так сказать, ошибки "без задней мысли" в употреблении аналитической формы сравнительной степени не редкость. В связи с этим вспоминается такой кадр из фильма С. А. Герасимова "Журналист": редактор провинциальной газеты листает рукопись местного автора, при этом с тоской повторяя: "Более лучше, более веселее...". Приведем несколько примеров подобного рода казусов из своей картотеки: (1) *По-моему, кооперативные банки работают более гибче* (Из телепередачи. Речь интервьюируемого директора банка); (2) *Пора уже отвыкать от консерватизма и одеваться более помоднее* (Устная речь продавца); (3) *Но Ладога расположена куда более южнее* (Из телепередачи. Речь ведущего); (4) *Не пора ли еще энергичнее, куда более энергичнее преодолевать наш страх?* (Из радиопередачи. Речь ведущего); (5) *Нужно как можно более глубже провести интеграцию города и села* (Устная речь радиодиктора); (6) *Чем выше это назначение, тем более ощутимее отставка* (Из телеинтервью с начальником управления правительственной информации А. М. Михайловым); (7) *Мы надеемся, что более активнее будет работать Организация Объединенных Наций* (Из телеинтервью, речь В. С. Черномырдина).

Как видим, все эти высказывания принадлежат или представителям класса так называемых "новых русских", или работникам электронных средств массовой информации, или представителям, как теперь принято выражаться, "правящих элит". О языковой культуре первых ходят анекдоты, да и вторая и тем более третья категория, увы, изысканностью слога нас в последние годы не балуют. А "перлы красноречия" В. С. Черномырдина уже прочно вошли в сокровищницу крылатых слов русского языка. Однако встречается нечто подобное и в речи людей вполне интеллигентных и высокообразованных, например: (8) *Они делают песню более емкой, более глубокой, более.. ну как бы вам сказать... содержательнее* (Из радиопередачи. Речь композитора М. Фрадкина). Марк Фрадкин, как мы видим, правильно употребил форму аналитической сравнительной степени два раза, но на третий, увы, сбился.

Публицист Н. Зимянина по поводу таких неправильно образованных форм сравнительной степени пессимистически замечает: "'Более лучше" укоренилось в разговорном языке прочно, во всех социальных слоях, и позиций уже не сдаст" (цитируется по: [Горбаневский и др. 1999: 194]).

Проникают ошибки, подобные вышеописанным, и на страницы печатных изданий, причем весьма солидных, например: (9) *Но открытия, которые сделал для себя Василий, куда более значительнее выводов Глеба Воль-нова из "Завтрашних забот", решившего делать дело и ни о чем не думать* (А. Урбан. Из предисловия к книге В. Конецкого "Завтрашние заботы").

Говоря о типах языковых неправильностей или языковых аномалий, Ю. Д. Апресян различает неправильность относительную и абсолютную. Абсолютная неправильность характеризуется, в частности, тем, что "языковые единицы неправильно скомбинированы (хотя каждая из них в отдельности и может иметь нужный смысл)" [Апресян 1995: Т. II, 601]. Очевидно, что **более лучше*, так же как и **он пришла*, **мы говорю*, **будет читает* – это случаи именно абсолютной языковой аномалии. Этот вид языковых аномалий можно отнести к разряду "ошибок в грамматике" (см.: [Горбаневский и др. 1999: 167]). Однако если ошибки последних трех типов в речи всех категорий говорящих на русском языке как на родном практически исключены, то ошибки первого типа весьма частотны. В чем же причина этого факта?

Для каждого из приведенных выше примеров есть своя отдельная и одна общая причина неправильного употребления формы аналитического компаратива. Начнем с примера (9), в котором встречается ошибочное с точки зрения литературной нормы словосочетание **куда более значительнее*. Но если выражение **более значительнее* явно "режет слух", то о словосочетании со словом *куда* можно, пожалуй, говорить как об относительно более приемлемом (или, точнее, относительно менее неприемлемом). Дело в том, что усилительная частица *куда* требует употребления после себя синтетической формы сравнительной степени (*куда лучше*), а форма *более* – положительной. Их же совместное употребление создает своеобразную "синтаксическую конкуренцию" и, следовательно, некоторую свободу выбора формы прилагательного. Возможно также, что слово *более* как бы попадает в поле притяжения частицы *куда*, "перетягивается" к нему и отрывается от прилагательного. В результате образуется цельная единица *куда более*, близкая по значению к усилительной частице *куда как*, употребление формы синтетического компаратива после которой вполне нормально. Можно думать, что именно эти причины, действовавшие, конечно, на бессознательном уровне, и позволили автору допустить такую форму выражения, а корректору не воспринять ее как неправильную.

Есть своя причина и для примера (8) из устной речи композитора Марка Фрадкина: в третьем упо-

реблении форма аналитической сравнительной степени оказалась разорванной поиском наиболее подходящего для точного выражения мысли прилагательного. И пока этот поиск шел, синтаксическое влияние слова *более* успело "погаснуть", перестать действовать. Однако выскажем предположение, что в случае выбора рода прилагательного Марк Фрадкин и в такой ситуации вряд ли допустил бы ошибку и сказал: *Он... как бы точнее выразится... не просто умна, а гениальна.*

О примерах (5) и (3) можно сказать то же, что и о примере (9): в высказываниях возникают эфемерные новообразования *как можно более* и *куда более*. В примере (4) та же ситуация, усугубленная предшествующим употреблением словосочетания *еще энергичнее*. Возникает градационный ряд *еще энергичнее, куда более энергичнее*, в котором новообразованная форма *куда более* воспринимается как экспрессивный синоним интенсифицирующего наречия *еще*.

Иная причина для примера (2). Сочетание *более помоднее* возникло в результате столкновения семантики с прагматикой. Говорящий стремился выразиться "повежливее", поэтому и использовал "смягчительную" форму сравнительной степени. В данном случае приставка *по-* функционально аналогична частице *-с* в ее "лакейски-вежливом" употреблении: "Чего изволи-те-с?".

В примере (6) ощущается генерализирующее влияние наиболее частотной конструкции с союзом *чем-тем*: *чем дальше, тем больше; чем больше, тем лучше* и т. п. Аналитические же формы типа *более + позитив* в подобного рода высказываниях крайне редки (если вообще допустимы): *Чем более темна ночь, тем более ярки звезды (?)*.

И, наконец, в примерах (1) и (7) говорящий мог просто воспринимать слово *более* как синоним наречий высокой степени типа *гораздо*. Как подтверждение такого восприятия формы *более* еще в 50-х годах нашего века можно рассматривать и тот зафиксированный И. К. Калининой факт, что при аналитической форме сравнительной степени тогда не встречалось употребление наречий типа *чуть-чуть* или *несколько* [Калинина 1952: 11]. Впрочем, в наше время запрет на такого рода сочетания по меньшей мере поколеблен, например: (10) *По своей манере ходить был он несколько более высок и худ, чем на самом деле.* (А. Битов. Птицы, или новые сведения о человеке).

Интересно в этой связи отметить, что не встречаются при аналитической форме компаратива показатели точной меры различия степеней признака (типа *на два градуса, в два раза* и т. п.). Тот факт, что этот запрет является достаточно сильным, или, по крайней мере, был таким еще в 20-е – 30-е годы XX века, можно проиллюстрировать следующим примером: (11) *А второй мотор, как в два раза сильнейший, опять будет работать энергичней первого в два раза...* (А. Платонов. Маркун). Очевидно, в данном случае нормальна была бы конструкция *как в два раза более сильный*, однако автор предпочел архаизированную форму сравнительной степени *сильнейший* аналитической форме компаратива. Стремление избежать построений типа *в два раза более сильный* допускает двоякую интерпретацию. Во-первых, в этом факте можно усмотреть чисто техническую сторону: при возможности передать одно и то же содержание двумя способами выбор делается в пользу менее громоздкого. Во-вторых, можно предположить, как и для примеров (1) и (7), что языковое мышление склонно толковать саму форму *более* в аналитическом компаративе как наречие типа *значительно* или *намного*, то есть как неопределенно-количественный квантор меры. В таком случае понятно, что при нем указание на точную меру различия невозможно.

Понятно также, что все приведенные выше объяснения появления в речи ошибок типа * *более лучше* сами становятся возможными по одной, общей для всех этих случаев причине: в сознании носителей русского языка недостаточно закреплена слитность конструкции *более + позитив*. Она еще явно не "дотягивает" до морфологического уровня.

Впрочем, есть факты, которые свидетельствуют все же о некоторой если не слитности, то по меньшей мере целостности конструкции *более + позитив*. Известно, что форма синтетической сравнительной степени не от всех прилагательных обладают свойством, которое называется "презумпцией существования качества". Чтобы пояснить это выражение, процитируем следующее высказывание Т. М. Николаевой: "...по фразам *Элен красивее Мэри, Том лучше Боба, Джек умнее Билла* мы не можем сказать определенно, что Мэри красива, Боб хорош, а Билл умен" [Николаева 1983: 238–239]. То же относится к большому количеству других синтетических компаративов, в первую очередь от так называемых параметрических прилагательных:

выше-ниже; шире -уже и т. п. [Апресян 1995. Т. I: 65–67].

Обозначим конструкцию с синтетическим компаративом следующей формализованной записью: *A (P) -ее B*, где *(P) -ее* – формула компаратива (*красн-ее, умн-ее, длинн-ее* и т.п., в том числе и нерегулярные формы типа *лучше, хуже* и др.), а *A* и *B* – носители признака. Поскольку не все синтетические компаративы характеризуются "презумпцией существования качества", по этой записи мы не можем сказать с полной определенностью, какой именно признак характеризует носители *A* и *B*: *(P)*, *(Anti P)*, *(nu/u P)*, *(nu/u Anti P)* или *( ) P*. Иными словами, из этой формулы не следует с необходимостью, приписывается ли признак носителям *A* и *B* прилагательным, от которого образована форма компаратива, его антонимом, средним членом анто-нимической пары или его идеографическим синонимом. Таким образом, из двух функций синтетического компаратива – обозначение конкретного качественного признака и выражение градационных отношений – основной является вторая. Синтетический компаратив сигнализирует о самой операции сравнения, вопрос же о том, какой именно признак приписывается носителям, часто остается без ответа.

Конструкция *более + позитив*, так же как и синтетический компаратив, характеризуется бифункциональностью. Рассмотрим это ее свойство. Понятно, что две функции такого типа предиката компаративно-

го отношения распределены между двумя его составными частями: функцию приписывания сравниваемым носителям какого-либо качественного признака выполняет форма позитива прилагательного или наречия, а функцию установления между сравниваемыми степенями градационных отношений – форма *более*. Логично предположить, что в этом случае сравниваемым носителям приписывается именно тот признак, который назван позитивом, то есть что высказывание *A более (P), чем B* обязательно имеет presupпозицию *A есть (P) и B есть (P)*. Обратимся, однако, к следующему высказыванию: (12) *При этом мое широкое чувство не обязательно должно расплываться в нечто смутное, размытое, скорее всего, оно окажется более сильным, а значит, и более определенным, чем простенькое удовольствие при виде цветов* (В.Тендряков. *Плоть искусства*). Автор, очевидно, предполагает, что простое удовольствие при виде цветов не является чувством сильным и определенным, то есть оно слабо и неопределенно. Следовательно, мы имеем некоторые основания допустить, что и при использовании аналитической формы *более + позитив* не всегда можно с уверенностью сказать, обладают сравниваемые носители признаком, названным позитивом, или антонимичным ему.

Для того, чтобы выяснить, ведут ли себя аналитические компаративы от различных типов прилагательных так же, как их синтетические аналоги, мы проделали их тестирование в следующих диагностических ситуациях: 1) сравнение степеней признака, расположенных на одной половине градационной шкалы (например, *A очень хороший, B хороший*); 2) сравнение степеней признака, расположенных на различных половинах градационной шкалы (например, *A хороший, B плохой*). Результаты такого тестирования позволяют сделать вывод о том, что полной эквивалентности между аналитическими и синтетическими формами компаратива нет.

Так, и аналитические, и синтетические формы компаратива от параметрических прилагательных типа *высокий – низкий, широкий – узкий* ведут себя, на первый взгляд, одинаково:

A очень высокий, B высокий: A более высокий, чем B =

B более низкий, чем A (ср. : A выше B = B ниже A);

A высокий, B низкий: A более высокий, чем B =

B более низкий, чем A (ср. : A выше B = B ниже A);

A низкий, B очень низкий: A более высокий, чем B =

B более низкий, чем A (ср. : A выше B = B ниже A).

Однако существует, как кажется, такая зона градационной шкалы, в которой аналитические и синтетические компаративы от параметрических прилагательных ведут себя по-разному, на что обратил внимание И. А. Мельчук [Мельчук 1998: 123]:

Хи У оба очень длинные, но X короче У-а

VS

Хи У очень длинные, но *Хболее короткий, чем У

Действительно, в зоне 'очень P' справедливо равенство *A (P)-ее B = B (Anti P)-ее A*, но равенство *A более (P), чем B = B более (Anti P), чем A* не работает. Однако эта ситуация характерна только для зоны (+Po1), даже зона (-Po1) вызывает сомнения:

A очень короткий, B тоже короткий, но A более длинный (?), чем B.

Трудно утверждать с полной определенностью, что использование аналитического компаратива здесь невозможно. И уж во всяком случае нельзя, на наш взгляд, согласиться со следующим утверждением И. А. Мельчука: "*короч+е* не имплицитно означает смысла 'короткий' – в отличие от *более коротк+ий*" [Там же]. Аналитический компаратив *более короткий* не всегда имплицитно означает 'короткий'.

Таким образом, для параметрических прилагательных равенство *A (P)-ее B = B (Anti P)-ее A* и равенство *A более (P), чем B = B более (Anti P), чем A* справедливы для всех случаев, кроме зоны (+ Po1) и, возможно, зоны (-Po1).

Аналитические и синтетические компаративы от общеоценочных прилагательных различаются в своем поведении еще сильнее. В то время как синтетические формы *лучше, хуже* характеризуются теми же особенностями, что и формы *выше, ниже*, аналитические формы *более хороший, более плохой* примыкают к типу *добрее, злее*: равенство *A более (P), чем B = B более (Anti P), чем A* для них справедливо только в ситуации сравнения степеней признака, расположенных на разных половинах градационной шкалы (*A хороший, B плохой*).

Различаются также аналитическая и синтетическая формы от прилагательного умный: форма *умнее* используется так же, как форма *лучше*, то есть может покрывать всю шкалу признака. Форма *более умный*, как и форма *добрее*, покрывает только ее часть: используется в случае сравнения степеней признака, расположенных на плюсовой половине шкалы или на разных ее половинах, но невозможна при сравнении степеней признака, расположенных на минусовой половине шкалы.

У прилагательных аффективной оценки употребление форм аналитического и синтетического компаратива полностью идентично: для них никогда не верно и равенство *A (P)-ее B = B (Anti P)-ее A*, и равенство *A более (P), чем B = B более (Anti P), чем A*.

По особенностям употребления аналитического компаратива прилагательные делятся на три класса. Причем в один класс объединяются общеоценочные и частнооценочные прилагательные, а также прилагательные типа *глупый – умный*. Классификация прилагательных по типам употребления аналитического компаратива выглядит следующим образом:

I. Параметрические прилагательные типа *низкий – высокий, узкий – широкий* и т.п. Для всех случаев,

кроме зоны (+Po1) и, возможно, (-Po1), верно равенство *A более (P), чем B = B более (Anti P), чем A*. Утверждения типа *A более низкий, чем B* могут иметь следующие пресуппозиции: *A очень низкий, B низкий; A высокий, B очень высокий; A низкий, B высокий*. Невозможна пресуппозиция *A очень высокий, B очень высокий, но в разной степени*

II. Общеоценочные и частнооценочные прилагательные, прилагательные типа *глупый – умный* и т. п. Равенство *A более (P), чем B = B более (Anti P), чем A* верно только для ситуации сравнения степеней признака, расположенных на противоположных половинах шкалы (например, *A умный, B глупый*). Утверждения типа *A более хороший, чем B* могут иметь следующие пресуппозиции: *A очень хороший, B хороший; A хороший, B плохой*.

III. Прилагательные аффективной оценки типа *скверный - чудесный*. Равенство *A более (P), чем B = B более (Anti P), чем A* неверно для всех ситуаций. Пресуппозиция утверждений типа *A более скверный, чем B* имеет вид *A очень скверный, B скверный*.

Итак, для внеконтекстного употребления конструкций с аналитическим компаративом типа *A более (позитив), чем B* пресуппозиция существования у обоих носителей признака, названного формой позитива, верна только для прилагательных аффективной оценки. Для конструкций с параметрическими прилагательными возможна также пресуппозиция существования у обоих или одного из носителей признака, названного антонимическим прилагательным, а для оценочных прилагательных и всех других, входящих в тип II, – пресуппозиция существования признака, названного антономическим прилагательным, хотя бы у одного из носителей¹.

Можно сделать также вывод о том, что не для всех прилагательных формы синтетического и аналитического компаратива семантически эквивалентны. Так, например, синтетические компаративы *лучше, хуже, умнее* шире по значению, чем соответствующие аналитические формы *более хороший, более плохой, более умный*.

Следует отметить, что в конструкции *более + позитив* перемещение ее частей приводит к полному устранению возможности приписывать носителю признак, названный антонимичным форме позитива прилагательным. Высказывание *Он умнее, чем ты* может быть понято только однозначно, то есть в том смысле, что и он, и ты умны. Невозможность свободного перемещения отдельных элементов внутри конструкции *более + позитив* свидетельствует о том, что в роли предиката эта конструкция выступает как цельное образование, однако степень этой цельности, как мы уже отмечали, еще достаточно далека от цельности морфологических форм.

Конструкция *менее + позитив* обладает теми же свойствами, что и конструкции с элементом *более*: она также может приписывать субъекту или меньшую степень признака, названного позитивом, или большую степень признака антонимичного. Так, высказывание *Он менее умный, чем ты* пред-полагает возможность следующих толкований: *Он умный, ты очень умный*;

Он глупый, а ты умный. Конструкция *менее + позитив* тоже достаточно цельна и не допускает свободного перемещения элементов.

Таким образом, можно сделать вывод, что в языковом сознании действуют две разнонаправленные тенденции: одна стремится расчленить аналитическую форму компаратива, другая же, наоборот, слить ее в нерасторжимое целое с единым значением. О том, как отражены обе эти тенденции в грамматических исследованиях, уже говорилось.

Кажется, именно ощущая этот двойственный, промежуточный характер форм аналитического компаратива, ученые-языковеды не всегда последовательно относят сочетания типа **более лучше* к грамматическим ошибкам, связанным с неправильным образованием форм слова. Так, в книге “Не говори шершавым языком” авторы комментируют сочетание *более хуже* в высказывании В. Жириновского как ошибку грамматическую, а сочетание *более подробнее* в высказывании ведущей музыкальных телепрограмм Л. Лихачевой – как избыточность речи, то есть, похоже, скорее как ошибку стилистическую (см.: [Горбаневский и др. 1999: 46, 122]).

Говоря о перспективах лингвистической оценки таких неправильных образований, Н. Зимянина делает любопытное предположение: “Можно даже прогнозировать, что не сегодня-завтра угрюмые, неуступчивые филологи, бдительно стоящие на страже литературной нормы, смиренно склонят головы и, тихо отвернувшись, смахнут слезу” (цитируется по: [Горбаневский и др. 1999: 194]).

Как известно, для В. В. Виноградова возникновение описательной, аналитической формы сравнительной степени было одним из доказательств общей тенденции развития русского языка – его устремленности к аналитическому строю. Аналитические формы, значение которых “во второй половине XIX в. усилилось”, выступают в дальнейшем как форпост аналитизма, его морфологический плацдарм: они “подготавливают возможность аналитического употребления степеней сравнения от имен существительных с качественным значением и от обстоятельственных наречий” [Виноградов 1972: 200, 204]. Однако, как мы убедились, по крайней мере на данном участке “грамматического фронта” аналитизм еще далеко не наступил.

¹ К выводу о том, что в польском языке “не всегда пресуппозиция наличия качества входит во все аналитические формы”, пришел Ф.Кифер, используя, впрочем, иную методику анализа (см.: [Николаева 1983: 239]).

Может быть, следует вообще более осторожно говорить о том, что русский язык движется к аналитическому строю. В его истории известны факты как раз обратного движения – от аналитических форм к синтетическим. Так, древнерусская сложная форма *ходил есмь* дала современную простую *ходил*. И если, с одной стороны, изменяемый в XIX веке *кофей* (*выпить кофейю*) дал в результате неизменяемый *кофе*, то неизменяемые *жалюзи* (*нет жалюзи*) уже практически трансформировались в изменяемые *жалюзи* (*нет жалюзей*). Не вполне понятно также, можно ли толковать именно как движение к аналитизму замену падежных форм на падежно-предложные типа *опыт работы / в работе* или *Я купил вам / для вас хлеб* (см.: [Русский язык конца XX столетия 1996: 241]). Используя терминологию В. В. Виноградова, такие сочетания можно назвать смешанными, ана-литико-синтетическими, а дадут ли они в результате собственно аналитические формы типа *опыт в работа* или *Я купил для вы хлеб* – это еще, как говорится, очень и очень большой вопрос.

Литература:

- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. I, II. М., 1995. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Богородицкий В. А.* Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 3-е. Казань, 1910.
- Бодуэн де Куртенэ И. А.* Глоттологические (лингвистические) заметки. Вып. 1. Воронеж, 1877.
- Виноградов В. В.* Русский язык. Изд. 2-е. М., 1972. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М., 1994.
- Горбаневский М. В., Караулов Ю. Н., Шаклеин В. М.* Не говори шершавым языком. М., 1999.
- Калинина И. К.* Степени сравнения имен прилагательных, их употребление в современном русском языке и связанные с ними лексико-фразеологические обороты. Автореферат канд. дис. М., 1952. *Крушевский Н. В.* Очерки науки о языке. Казань, 1883. Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996. *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. II 4.2: Морфологические значения. Москва - Вена, 1998
- Николаева Т. М.* Качественные прилагательные и отражение "картины мира" // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. Л., 1983.
- Хёйзенга И.* Homo Ludens. М., 1992. *Wierzbicka A.* Semantics, culture and cognition. N.Y., 1992.